

ДОСТОЕВСКИЙ, СИМВОЛИСТЫ И АЛЕКСАНДР БЛОК

В художественном сознании Александра Блока образ Достоевского, человека и писателя, и связанные с ним капитальные идеи всегда занимали особое, пусть и не главное место. Как бы ни менялось отношение поэта к автору его любимого романа «Братья Карамазовы», в этом отношении всегда ощутима определенная традиция восприятия Достоевского, сложившаяся в конце XIX—начале XX в. в кругу русских символистов.

«Книга великого гнева» и «Достоевский» А. Л. Волынского, «Лев Толстой и Достоевский» Д. С. Мережковского, «Легенда о великом инквизиторе» В. В. Розанова, «Философия трагедии» Льва Шестова, выдержавшие в начале XX в. несколько изданий и имевшие тогда немалый читательский успех, создали новый облик великого русского писателя и надолго определили отношение многих читателей к Достоевскому. Один из этих читателей вспоминал потом: «Понадобилась работа целого поколения, труды Д. С. Мережковского, А. Волынского, чтобы научить нас видеть в Достоевском иное, чем бытоописателя, а в каком-нибудь Раскольникове не просто представителя психологии „голодающего студенчества“, что видел в нем Писарев».¹ Уже из этих слов видно, что в своей оценке Достоевского символисты были не менее тенденциозны, нежели Писарев, ибо трактовали великого писателя как мистика и последовательного антидемократа, певца темных глубин человеческой души, «гения подполья».

Молодой Блок, пришедший в литературу в период окончательного оформления этого воззрения на Достоевского и внимательно читавший на шумевшие тогда книги Мережковского, Шестова, Розанова и Волынского, многое здесь почерпнул, и поэтому его представление о Достоевском будет не до конца понятно, если мы извлечем мысли поэта из идейного и художественного контекста эпохи. К тому же надо учитывать, что у символистов и Блока были и общие источники, в значительной мере определявшие их взгляд на Достоевского — «Три речи в память Достоевского» Владимира Соловьева и знаменитая книга Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», столь повлиявшая на эстетику и творчество Вячеслава Иванова, Александра Блока и Андрея Белого.

¹ Карцевский С. Об эстетике Достоевского. — Современные записки, 1921, кн. 3, с. 118.

Со статьями Владимира Соловьева теснейшим образом связано обращение символистов к Достоевскому как своему предтече, духовному отцу, обозначившееся уже в лекции Мережковского «О причинах упадка и о новых направлениях современной русской литературы», прочитанной в 1892 г. и затем вышедшей отдельной книжкой. В начале 900-х гг. идеи Достоевского воспринимаются символистами как источник «нового религиозного сознания», «нового христианства», а сам писатель — как первый символист, русский Ницше. Сильнейшее воздействие оказал автор «Братьев Карамазовых» и на творчество символистов — прозу Федора Сологуба, Андрея Белого, Алексея Ремизова, лирику Блока, Белого, Вяч. Иванова.

Но прежде всего Достоевский был тогда для символистов религиозным философом, учителем жизни, противостоявшим другому, гораздо менее нравившемуся им «учителю» — Льву Толстому. В этом же направлении движется и Блок: достаточно вспомнить, что в его библиотеке сохранился роман «Братья Карамазовы», где в поучениях старца Зосимы отчеркнуто знаменитое место о «мирах иных», выдержанное вполне в духе соловьевского неоплатонизма и неоднократно цитировавшееся в книгах Мережковского, Шестова и Розанова.² Блок, как и другие символисты, ищет и находит у Достоевского мысли и образы, совпадающие с его идейными и художественными исканиями.³

Символисты считали, что именно они призваны завершить дело Достоевского — пророка и учителя жизни, решить поставленные им «вечные» проблемы, ответить на заданные им вопросы. Они искали и, как им казалось, находили у писателя мысли, родственные кругу идей русского декаданса. Д. В. Философов писал: «В том-то и дело, что от проблем, поставленных Достоевским, никуда не уйти, что прямой долг всякого сознательного русского — в этих проблемах разобраться, потому что Достоевский как бы микрокосм русской культуры».⁴ Розанов, полемически противопоставляя двух учителей жизни, говорил: «Достоевский дорог человеку. Вот „дорогого“ — то ничего нет в Толстом. А Достоевский *живет* в нас. Его музыка никогда не умрет».⁵ Вяч. Иванов также призывал символистов слушать музыку Достоевского и Вл. Соловьева: «Они дали как бы музыкальную подоснову нашей умственной борьбе за религиозное мирозерцание».⁶ Эта примечательная идея — слушать именно музыку

² См.: Долгополов Л. К. Александр Блок: Личность и творчество. Л., 1980, с. 40.

³ См.: Соловьев Б. И. Блок и Достоевский. — В кн.: Достоевский и русские писатели. М., 1971; Минц З. Г. Блок и Достоевский. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971.

⁴ Философов Д. В. Старое и новое. М., 1912, с. 165.

⁵ Розанов В. В. Опавшие листья. Пг., 1915, короб 2, с. 219.

⁶ Иванов Вяч. О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания. — В кн.: Сборник первый. О Владимире Соловьеве. М., 1911, с. 34.

писателя, порожденная книгой Ницше, близка и Блоку, хотя впоследствии выяснилось, что он слушал ее иначе, нежели другие символисты. Но характерно, что начало века для Блока — это пора внимательного чтения Достоевского. Образ писателя возникает в его творчестве позднее.

Окончательное оформление воззрения Блока на Достоевского знаменательным образом совпадает с изменением отношения символистов к этому писателю. Их прежний восторг и преклонение перед Достоевским постепенно сменяются гораздо более холодным и двойственным чувством, на что, безусловно, повлияли приближение революции 1905—1907 гг. и сама революция.

В этот период символисты охотно использовали консервативные идеи Достоевского для борьбы с демократической интеллигенцией, и наиболее полно такой подход выразился в печально знаменитом сборнике «Вехи». Одновременно в среде символистов рождается сначала неосознанная, а затем и вполне сознательная неприязнь к великому писателю-классику. Эта глубокая неприязнь связана была с ощущением общей неудачи литературы русского декаданса, с крушением идеи «нового религиозного сознания», «соборного» искусства.

Декаданс, с которым безуспешно пытались бороться Вячеслав Иванов и другие идеологи «теургического» символизма, искажил и в конце концов отверг их положительный пафос и идеалы, и в том числе их взгляд на Достоевского как предтечу символизма и «учителя жизни». По меткому замечанию Б. В. Михайловского, эта борьба с декадансом велась на территории декаданса же,⁷ и результаты не замедлили сказаться, в том числе и на отношении символистов к Достоевскому.

От лестного сравнения себя с великим писателем они переходят к решительному противопоставлению. Розанов в 1906 г. писал: «Все главные черты Достоевского встречаются и у „декадентов“: только у него все это большое, вещественное, поражающее, наконец очаровывающее и влекущее, а у них все в „микроскопе“... У него все гигантски, все в уровень со смыслом и задачами века; а у „последующих“ тоже декадентов все рассыпалось дробью, стало мелочно, часто неумно...».⁸ Не оправдалась полностью и надежда символистов превратить Достоевского в своего предтечу и союзника. Быстро выяснилось, что и здесь сфера влияния их идей ограничена. Отношение большинства читателей к писателю, по-прежнему определявшееся в основном демократической критикой, мало изменилось, и Зинаида Гиппиус имела все основания сказать: «Достоевского упоминают реже: не очень верят, что он равен Горькому».⁹

⁷ См.: Михайловский Б. В. Избранные статьи о литературе и искусстве. М., 1969, с. 391.

⁸ Розанов В. В. Памяти Ф. М. Достоевского. — Новое время, 1906, 27 янв.

⁹ Крайний Антон [З. Н. Гиппиус]. Литературный дневник. СПб., 1908, с. 176.

Именно это ощущение неудачи заставило многих символистов обрушиться на Достоевского с весьма характерными упреками.

Андрей Белый в том же 1906 г. говорил: «...кажется нам подчас, будто Достоевский вспахал ненужные пространства нашей души: его великий труд иногда — труд безрезультатный... Мы должны бороться с Достоевским...».¹⁰ А в статье Белого «Ибсен и Достоевский» (1905) с еще большей откровенностью сказано: «Достоевский привел в болото, надо искать других путей».¹¹ Объясняя это резкое охлаждение к писателю, Философов с горечью признавался: «Оказывается, что мы до Достоевского еще не доросли. Он как-то *моложе* нас».¹² Но это искреннее признание потонуло в хоре пристрастных обвинений, трактовавших Достоевского как лжепророка, заведшего «передовую» интеллигенцию в темный и страшный лес дикого жизненного хаоса, безумствующей «русской стихии». Белый в книге «Трагедия творчества» уже показал Достоевского как вместилище этого вечно бунтующего, неуправляемого хаоса, как образец безысходной трагедии творчества, пусть гениального, но предельно далекого от стройного, светлого космоса классического искусства. Стоит здесь вспомнить и статью В. Розанова «На лекции о Достоевском» (1909), где сказано: «Гений Достоевского покончил с *прямолинейностью* мысли и сердца; русское познание он невероятно углубил, но и расшатал».¹³ Для символистов писатель стал символом кризиса культуры.

Вот тот, пусть и неполный, историко-литературный контекст, в котором мы должны читать знаменитую статью Блока «Безвременье», написанную в том же 1906 г., что и инвективы Андрея Белого. Достаточно напомнить, что в этой статье Достоевский изображен как слепой могучий демон, приведший русскую литературу к страданиям, тяжелому надрыву, творческому воплощению небытия (тема Петербурга, звучащая и в поэме Блока «Возмездие») и хаоса, «миражности» жизни. Более того, именно Достоевский, по мнению Блока, показал символистам то, что они увидели слишком поздно — «страшное лицо, воплощение хаоса и небытия: лицо Парфена Рогожина».¹⁴ Блоковская дневниковая запись 1909 г., трактующая Достоевского как трагического, дисгармоничного художника, громоздящего хаос на хаос,¹⁵ лишь разъясняет мысли «Безвременья». Именно через Достоевского Блок увидел и показал свой образ трагедии творчества, проистекающий из общей трагедии культуры. Здесь начинается спор Блока со старым миром, рождается его пророческая апокалиптика.

¹⁰ Белый Андрей. Достоевский. — Золотое руно, 1906, № 2, с. 89, 90.

¹¹ Белый Андрей. Арабески. М., 1911, с. 92.

¹² Философов Д. В. Слова и жизнь. СПб., 1909, с. 180.

¹³ Розанов В. В. На лекции о Достоевском. — Новое время, 1909, 4 июля.

¹⁴ Блок А. А. Собр. соч. М.; Л., 1962, т. 5, с. 79.

¹⁵ См.: Блок А. А. Записные книжки. М., 1965, с. 160.

Ясно, что Блок не одинок в этом своем настроении. Более того, он выглядит здесь как наследник и продолжатель, пусть и мятежный, некоторых идей Достоевского. Приведу свидетельство младшего современника Блока, философа Алексея Федоровича Лосева: «Уже у Достоевского старый мир трещит по швам. Оказывается, Мережковский тоже недаром вопил о последних временах. Дионисизм Вячеслава Иванова тоже далеко вышел за пределы поэзии, литературы и философии; и в этих оргийных манифестах экстатического самоуничтожения личности нетрудно было тоже заметить черты своеобразной и тоже космической апокалиптики».¹⁶

К именам, названным Лосевым, необходимо прибавить имена Белого и Блока, ибо и они продолжают эту традицию критики старого мира, предвещая его неизбежную и близкую гибель. «Одним из господствующих мотивов в круге русского символического искусства за десять-пятнадцать лет до революции было „дерзновение“, во всей гамме этого понятия, от чисто и узко индивидуалистического самоутверждения и демонизма, через общественно-анархическое прославление мятежа, до мировой скорби, неприятия мира, „непримиримого Нет“ и скрябинского вселенского пожара», — так характеризовал после революции это настроение Вяч. Иванов.¹⁷ Это трагическое «дерзновение» есть и у Блока, особенно позднего. И здесь автор «Скифов» близок не только символистам, но и Достоевскому, в романах которого имелись все формы «дерзновения», столь красноречиво описанные Вяч. Ивановым.

Но на этом сходство Блока с символистами кончается. Далее начинаются примечательные расхождения между ними, закончившиеся, как известно, резким разрывом после Великой Октябрьской революции. Этот раскол проходит и через воззрения на великого русского писателя. Ненависть символистов к Достоевскому, лишь увеличившаяся в эти годы, порождена их безысходным ужасом перед гибелью старой России и старой культуры. Революция казалась им апокалиптической, поистине космической катастрофой.

Блок же куда лучше понимал и помнил старую, Достоевским повторенную истину: зерно не воскреснет, если не умрет. Поэту ясно, что ничто подлинное в культуре не погибает, не исчезает бесследно. Традиция, по Блоку, всегда возрождается. Уже в «Возмездии» ощутимо это чувство «мирового круговорота». Поэтому он приветствует великий переворот в судьбах России и, более того, как художник, стремится запечатлеть диалектику революции в резко контрастных, экспрессионистских картинах «Скифов» и «Двенадцати». И именно здесь воскресают многие символы и идеи

¹⁶ Лосев А. Ф. Гибель буржуазной культуры и ее философии. — В кн.: Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1962, с. 316.

¹⁷ Иванов Вяч. Конст. Эрберг. «Плен». — Жизнь искусства, 1920, 13 авг., № 529.

Достоевского: Русь — Сфинкс, Христос — символ светлой правды и народного единения. Возникает в этих произведениях и лицо Парфена Рогожина, упомянутое в «Безвременье». Но в «Скифах» говорится об этом лице с совсем другой интонацией, нежели в ранней статье («Мы повернемся к вам» и т. д.). В этот период точки зрения Блока и символистов на наследие Достоевского становятся полярными.

Таков конечный результат сложной динамики этих воззрений, которые имели общие источники, часто совпадали, но в конце концов вступили в непримиримое противоречие и борьбу в силу противоположных оценок знаменательной исторической ситуации. Поэтому представляется, что взгляды Блока и символистов на Достоевского должны рассматриваться в их конкретных взаимосвязях и отталкиваниях. Это поможет правильнее понять внутреннюю логику мировоззрения, эстетики и поэтики Александра Блока, мировое значение его творчества.